

15. ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Должен признаться, что на сей раз хроника прошла цензуру. Вычеркнуты Фамилии, факты, эпизоды, административно-географические привязки, которые позволили бы определить моего собеседника. Он и вычеркнул. Это было его категорическим условием, каковое я выполнил как джентльмен и реалист. Имею право только на дату: начало 1999 года.

Знакомых государственных мужей имею на разных этажах, от районного до столичного. Вместе пили водку, говорили о том о сем, в том числе о сокровенном чиновничьем — о БАТЬКЕ. Как только я предлагал опубликовать фрагменты наших разговоров, разумеется, инкогнито, мои знакомцы быстро трезвели, из нормальных мужчин превращались в мудрецов, обладающих конечной истиной современности: "Ты напишешь, а на мне отыграются." — "Тебя же никто не узнает." — "Кому надо — узнает! Мои знакомства, связи, встречи — под контролем." — "Чьим?" — "КГБ, осведомителей, конкурентов, завистников." — "Не хочешь ли ты сказать, что они знают, о чем мы тут беседуем?" — "Под колпаком беседовать можно, высказываться нельзя", — отвечал приятель, вытягивая из меня честное слово не подводить его под монастырь.

Чиновника, который согласился на обнародование нашей беседы, я случайно нашел через знакомых. От них узнал, что государственный деятель областного масштаба, предпенсионного возраста держит дома папку с вырезками из независимой газеты "Свободные новости" и что мой цикл "МЫ" (печатался в апреле-августе 1998-го) испещрен его фломастером. По моей инициативе была организована наша встреча. Назову его: Человек. Это содержательнее придуманного псевдонима.

Седой Человек достал из папки мои статьи, разукрашенные фломастером, сказал:

— Красный цвет — я с вами согласен, синий — нет.

— Синего вроде больше?

— Вы нападаете на государство, на управленческий аппарат. Экономический кризис можно преодолеть только в жестких государственных рамках. Президент это осуществляет на практике. Правда, переступает разумные пределы, подавляя подчиненных, что вы красноречиво подаете. Убедитесь, я не пожалел красного фломастера моего внука.

— Есть ли в белорусском государстве деятель, допустим, вашего уровня либо республиканского, который мог бы подсказать президенту, как государственными рамками оградить, защитить личность, то есть переориентировать государство на основную цель?

— Чиновника высокого уровня, который бы осмелился подойти к президенту с кардинальным советом, я не знаю. Батьке можно советовать лишь то, какой мазью смазать лыжи. Остальное он знает. Заданная установка на собственную непогрешимость — его и наше несчастье. Целесообразнее ему ничего не советовать, а делать по-своему. Как Старовойтов. Если бы вы не написали статью о Старовойтове, я бы с вами не встретился. Происшедшее с ним показало, что он выдающийся управленец. Раньше я о нем думал не так.

— Он давно имел хозяйственные успехи, государственные звания!

— Старовойтова не любили руководители советского аппарата и коллеги-председатели, считали партийным баловнем, дутым маяком. Сейчас он показал, что надо делать, когда делать ничего нельзя, кроме исполнения установок президента. Надо делать то, что хорошо умеешь. Василий Константинович попал за это в тюрьму, однако снискал себе уважение руководящих кадров. Старовойтов — единственная альтернатива батькиному всезнайству.

— Среди руководящих кадров много профессионалов управления?

— Много. В СССР было неплохое специальное образование. Я агроном. Позже переучивался на управленца. Сейчас мои знания и опыт без надобности. Придешь утром на работу, глянешь в ежедневник, полистаешь газетку, послушаешь радио. Хочется знать, что делается в столице, что сказал президент, какое у него настроение, кого проверяли, уволили, арестовали.

— В таком напряжении живут все чиновники?

— Думаю, что большинство. Вы совершаете ошибку, отделяя их от народа. Управленческие кадры подавлены. Не надо их показывать как антинародный нарост. Они одно целое с населением страны.

— Состояние униженности в равной степени распространено на всех чиновничьих ступеньках?

— Кто выше по уровню, у того больше страха сделать что-то неважно президенту. Как следствие, меньше отдачи, ответственности. Отношу это замечание прежде всего к губернаторам. Областные руководители — овцы.

Никакого подобия с российскими, там губернаторы — орлы, летают высоко, дискутируют с президентом на равных, способны на отпор.

— А кто ниже по уровню — как с отдачей у них?

— Внизу немало квалифицированных директоров предприятий, агрономов, инженеров. В районном звене есть толковые экономисты. Они дальше от президента, меньше риска попасться на глаза его контролерам и ему самому. Поступают, как требует технология. Радует, что эти люди молодые. Им пережить батьку, взять судьбу страны в свои руки. Те, кто ближе к президенту по должности, не способны к инициативе, к личной ответственности. Он командует, они отвечают: "Есть!" Это видно на заседаниях Республиканского штаба. Все превратились в оловянных солдатиков.

— И вы?

— В настоящее время работаю без годичной программы, чего раньше, на партийной работе, не позволял. Ни себе, ни подчиненным. Сейчас я вслушиваюсь в небо: не летит ли к нам президентский вертолет.

— Вы сказали, что работаете без собственной программы. Значит, на областном уровне исполняете программу президента. В чем ее суть? Вы знаете, что строите?

— Концептуальной программы нет. Строим то, что сегодня пришло на ум президенту. Ледовые дворцы, например.

— Вы исполняете "умственную программу" президента. Значит, вы — прислужник диктаторского режима, как выражается оппозиция. Прислужников после ухода Лукашенко ждет наказание, Верховный Совет тринадцатого созыва принял специальный закон. Чиновники оказались между двух огней.

— Да никаких двух огней мы не чувствуем! Огонь один —батька. О том, что будет после его ухода, чиновники не думают. Некогда. Полно бумаг, много проверяющих, дают оперативные проблемы. Когда думать о будущем, о сомнительном законе? Будущее — в руках Лукашенко. Он навсегда.

— Как понимать — "навсегда"?

— Говорю об ощущении чиновника, заваленного служебными заботами. Когда много забот — это затягивает, забываются страхи, приходит чувство полноценности, стабильности, хочется, чтобы ничего не менялось, чтобы всегда был Лукашенко. В среде управляющего аппарата происходит важный

перелом. До референдума 96-го аппаратчики всех уровней были в растерянности. Мог победить президент, не исключалась победа оппозиции. В данное время обстановка ясна. Осталось пережить 1999 год — и можно быть спокойным за будущее.

— Вы подразумеваете президентские выборы, которые должны состояться согласно Конституции 1994 года?

— Да. О выборах заговорили. Чиновники слегка заволновались: а вдруг?

— А вдруг?!

— В Белоруссии "вдруг" в ближайшее десятилетие не случится. Даже если Александр Григорьевич согласится на выборы, он одержит внушительную победу. В 1999 году произойдет консолидация аппарата управления государства и народных масс вокруг президента.

— Консолидация на основе диктата и страха?

— Не имеет значения. Консолидация — фундамент. На нем Лукашенко станет могущественным. К тому времени жизнь улучшится. Уже улучшается. Лукашенко заявит: убедились, дорогие соотечественники, что вы не зря меня избрали, хотите, чтобы я был вашим президентом всегда? Народ ответит: хотим, Александр Григорьевич. Чиновники это понимают сегодня, потому не боятся завтра.

— Вы сказали, что жизнь улучшается. Настаиваете на подобном утверждении? Ведь реальная зарплата снижается, цены растут, в магазинах очереди, "зайчик" лежит, количество бедных и нищих увеличивается. Где признаки улучшения жизни?

— Во-первых, лучшая жизнь — цель людей, они завоевывают ее без остановки, без отдыха, и кое-чего обязательно добиваются. Во-вторых, экономика в любых условиях более-менее самонастраивается. В-третьих, командные методы управления позволят выжать из страны еще немало. В-четвертых, белорусский народ способен вытянуть из себя все жилы, чтобы одеться и прокормиться, поднять детей, выглядеть не хуже соседа или родственника. В-пятых, Белоруссия как западное пространство нужна России, великая соседка будет нас тащить, пока сама жива. Крах наступит не скоро.

— Вы радуетесь или грустите, думая и говоря о крахе, хотя и не скором?

— Не будем говорить о моих чувствах. Я даже жене в последнее время душу не открываю. Сообщу то, к чему привели меня долгие размышления. Лукашенко — данность страны. Исходя из этого, народ, управленцы,

творческая интеллигенция должны строить свою жизнь. Других отправных точек нет. Народ и управленцы это поняли, а вы, интеллигенты, продолжаете чего-то искать, от государства воротите нос, от президентского электората вас тошнит, идеал ищете не в народной жизни, а в собственных амбициях...

— А вас не тошнит от вертолетобоязни?

— Вы явились меня учить или слушать?

— Слушать. Извините, что перебил.

Человек продолжил:

— Лукашенко уверен, что будет управлять долго. Он прекрасно чувствует ситуацию. Все ремни в руках. Народ поддерживает. Чиновники подчинены. Гайки зажаты. Оппоненты отстранены. Его система построена. Президент начинает расслабляться. Не боится надолго покидать страну. Смягчает жесткие указания — налогообложение совокупного годового дохода, поправки в закон о печати, валютную политику. Обещает больше не проводить селекторных совещаний, поручает сельскохозяйственную кампанию уполномоченным...

— В этом вы видите признаки изменения Лукашенко!

— Вижу. Лукашенко устал лично командовать всем. Уверенный усталый диктатор — хорошая база для либерализации власти. Творческая интеллигенция должна помочь высшему руководителю очистить душу, замолить грехи.

— Ну, этим занимаются церковные генералы, позволяющие Лукашенко политические проповеди в храмах. Видимо, регулярно отпускают ему грехи, иначе обратили бы внимание на то, что в Беларуси бьют дубинками мирных демонстрантов и сажают в каталажку невиноватых.

— Публичные лобзанья президента и высших церковнослужителей — дань официальному протоколу последних лет. Формальный акт не способствует духовному сближению. Надо учитывать, что Лукашенко атеист. Посещение церкви является служебной необходимостью, а не душевной потребностью. Но душа у него есть, я знаю, в молодые годы он собирал книги, много читал, искал себя в разных сферах. Я намного старше его, замечаю, что он продолжает искать, мечется, увлекается, обижается, ожесточается. Сбалансировать поведение Александра Григорьевича может только высокообразованный, одаренный собеседник. Творческая

интеллигенция обязана с президентом общаться, смягчать огрубевшую душу. Он каждый день вынужден принимать непростые решения.

— Максим Горький общался со Сталиным, можно сказать, дружил. Что вышло? Горький побывал на экскурсии на Соловках и сделал вид, что не заметил там сталинского ГУЛАГа. Знаменитый писатель не смягчил огрубевшую душу вождя, а, наоборот, после общения с ним огрубил, запачкал свою. Это была цель диктатора — подавить последний очаг сопротивления, размещавшийся в свободной творческой душе. Белорусские чиновники под воздействием Лукашенко угасли, вы констатировали это. Необходимо, чтобы, пообщавшись с президентом, угасли лучшие белорусские поэты, художники, музыканты, последние островки свободы и независимости Беларуси?

— Вы, творческие люди, часто подменяете гражданскую ответственность максимализмом. Не станете же вы убеждать меня, что президент Лукашенко лишен ответственности. Так помогите ему обрести душевное равновесие, возьмите на себя часть его забот по формированию духовной сферы общества.

— 5 августа 1998 года состоялась встреча группы писателей с президентом. Не церемонясь, Лукашенко сказал, что если писатели будут работать на него, то жить станут лучше, а если будут выступать в "коричневых газетах", то, сами понимаете... Мастерам пера предложено придворное лакейство, а не либеральное общение. Однако писатели не оскорбились! Позвольте, полистаю блокнот, зачитаю вам дословно, что заявил на пресс-конференции руководитель писательского союза поэт Владимир Некляев.

Цитирую: "Между национальной интеллигенцией и политикой президента возникли некоторые противоречия... Если бы мы оставались на разных полюсах, то гиря рухнула бы. Мне показалось, не зря разговор затянулся. Постепенно, уступками, мы пошли навстречу и достигли взаимопонимания."

Через полгода взаимопонимание достигло такой степени, что президент указал наградить Некляева госпремией.

— В вашем блокноте хорошая цитата. Президент и писатели поняли друг друга. Теперь следует наращивать сотрудничество.

— Это взаимопонимание барина и слуг. Гиря, о которой упомянул поэт, действительно рухнула, пришибла многих писателей и писательниц, переметнувшихся на полюс президента. А мир устойчив потому, что двухполюсный. Плюс и минус удерживают равновесие, гиря висит, часы идут.

Однополюсный белорусский мир балансирует на "президентском стволе", как выразился Лукашенко. Из ствола президента растут ветви власти. Сюда же политик-мичуринец намерен прицепить власть духовную, носителем которой является творческая интеллигенция. Вы призываете выращивать до неба дерево-монстр, подавляющее вокруг себя все ростки, которые родила наша земля?

— Вы утрируете мои мысли.

— Я довожу ваши мысли до логического конца. Прошу вас, представьте тот одинокий президентский баобаб в белорусской пустыне. Все мы на нем, как листики. Висим, трепещем. Вот депутаты, вот чиновники, вот судьи, вот писатели. У каждого вокруг шеи веревка. Чтобы не затянулась петля, одной рукой мы ухватились над головой за веревку, а другой что-то делаем, совершаем профессиональные обязанности. Баобаб живет до пяти тысяч лет. Когда он сгниет и рухнет, тогда и наступит крах, который вы прогнозируете?

— Политические категории вы превращаете в поэтические метафоры. Это не правомерно.

— Зато наглядно. Вы говорили об абстрактном крахе, я нарисовал крах как баобаб в пустыне. Неужели это разъединяет вашу и мою тревоги по поводу будущего Беларуси?

— Я решил с вами встретиться, чтобы передать свою тревогу. Вы имеете возможность через печать довести ее людям.

— Таких, встревоженных, среди чиновников много?

— Думаю, что да.

— Почему же так безропотна и безвольна управленческая армия?

— Вы нарисовали: свободна только одна рука, вторая держится за веревку.

— Спасибо за встречу. Извините за резкости.

— Вы меня — тоже.

Мы пожали друг другу руки, объединившись в парный кулак лишь на мгновение.

Тщательно проверив текст, Человек отказался поставить подпись. Через неделю позвонил, без предисловия приказал:

— Я запрещаю публиковать беседу со мной!

— Объясните, почему.

— Названа моя первая специальность. Могут определить мою личность.

— Хорошо. Сделаю вас в прошлом агрономом.

— Догадаются по лысине. Лысых на моем уровне мало.

— Ладно. Будете в тексте седым. Хотите?

— Не морочьте мне голову. Текст уничтожить! Никому не показывать!

— Приказывайте на своей работе. Текст будет напечатан.

— Я подам на вас в суд за нарушение закона о печати.

— Побоитесь. Сами же уничтожили все привязки. Вас нет. Вы не седой, не были агрономом. Я показал типичного белорусского чиновника с кашей в голове и с душой в пятках.

— Вы пожалеете. У меня достаточно связей и каналов, чтобы добраться до вас.

— Если посмеете, я сообщу вашу фамилию президенту!

Я бросил трубку.

Он больше не звонил.

1999